

Обзорная статья

УДК 614.253:616-052

doi: <https://doi.org/10.19163/2070-1586-2022-15-1-19-23>

Биоэтика как деконструкция

*Кирилл Сергеевич Смирнов**Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоград, Россия*

Аннотация. В статье анализируется парадоксальный ракурс биоэтики, предполагающий ее экспликацию в качестве деконструкции. Прослеживается эволюция программы деконструкции и ее неожиданная конвергенция с биоэтическим дискурсом. Более того, сам этот дискурс можно рассматривать как деконструкцию этической мысли. Биоэтика в данном случае выступает как радикализация этики. Такого рода радикализация необходима в противовес логоцентрическому давлению и навязанному рассмотрению человека с позиций так называемых наук о жизни. Радикализация этики обнаруживает несостоятельность либеральной формы биоэтики, сводящей сущность человека к совокупности биологических и социальных потребностей. Вместе с тем консервативная биоэтика демонстрирует эвристический потенциал, исходя из уникальной способности человека к трансцендированию. Далее, логика развития биоэтики позволяет предложить идею биоэтоса как ризомической, горизонтальной структуры, способной стать альтернативой логоцентрической установке.

Ключевые слова: биоэтика, деконструкция, логоцентризм, науки о жизни, трансцендирование, биоэтос, ризома

Статья поступила 10.11.2021; одобрена к публикации 20.02.2022; опубликована 15.05.2022.

Review

doi: <https://doi.org/10.19163/2070-1586-2022-15-1-19-23>

Bioethics as deconstruction

*Kirill S. Smirnov**Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia*

Abstract. The paradoxical perspective of bioethics supposing its explication as deconstruction is analysed in the article. The evolution of the program of deconstruction and its unexpected convergence with bioethical discourse is traced. Moreover, this discourse as itself can be considered as deconstruction of ethical thought. Bioethics in this case comes out as radicalization of ethics. Such kind of radicalization is necessary versus logocentric pressure and imposed consideration of human from the standpoint of so-called life sciences. Radicalization of ethics reveals insolvency of the liberal form of bioethics, reducing human essence to the totality of biological and social needs. At the same time conservative bioethics demonstrates heuristic potential coming from unique human ability for transcendence. Further, the logic of the development of bioethics allows to introduce the idea of bioethos as rhizomic, horizontal structure capable to become the alternative to the logocentric directions.

Keywords: bioethics, deconstruction, logocentrism, life sciences, transcendence, bioethos, rhizome

Submitted 10.11.2021; accepted 20.02.2022; published 15.05.2022.

Рассмотрение биоэтики как деконструкции, на первый взгляд, представляется парадоксальным и даже может показаться кому-то абсурдным. Действительно, что общего может быть у биоэтики даже в качестве прикладной философии и деконструкции, понятии, введенном классиком постмодернистской философии Жаком Деррида? В первом приближении деконструкция есть подход к пониманию отношения текста и значения. Однако более глубокий анализ деконструкции (можно сказать, своеобразная деконструкция деконструкции) позволяет увидеть в ней целую программу по выявлению очагов сопротивления тому, что Деррида определяет как «онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризм». Последний определяется в качестве «репрессивной интенции, лежащей в основании западноевропейской культуры» [1].

Сейчас данная интенция получила окончательное оформление и абсолютно конкретизировалась в капитализации стоимости и «превращении капитала в «центр» и «автоматически действующий субъект» [2].

Важно также отметить, что социокультурная реальность в целом, включая человека, толкуется Деррида как безграничный текст и даже гипертекст. В этом аспекте деконструкция является критическим анализом этого вселенского культурного текста, выявлением его внутренней противоречивости и потенциальных возможностей. На протяжении десятков лет французский мыслитель развивал и дополнял программу деконструкции. Можно сказать, совершал восхождение от абстрактного к конкретному, когда деконструкция отчетливо предстает в социальном и, наконец, этическом («дискурс о справедливости» [3]) ракурсах.

Современный израильский мыслитель Ной Харари отмечает, что согласно наукам о жизни: «Организмы – это алгоритмы, а люди – не индивиды, они дивиды. То есть человек есть собрание множества различных алгоритмов, лишенное единого внутреннего голоса или единого Я... Алгоритмы, составляющие человека, не являются свободными. Они формируются генами или давлением среды и принимают решения или в режиме детерминизма, или случайным образом – но не свободно... Отсюда следует, что внешний алгоритм мог бы теоретически знать меня гораздо лучше, чем Я могу когда-то знать себя. Алгоритм, который отслеживает каждую из систем, которые составляют мое тело и мой мозг, мог бы знать точно, кто Я, что чувствую и что Я хочу. Однажды получив развитие, такой алгоритм мог бы заменить выборщика, покупателя и зрителя» [4]. Другими словами, технологии современной эпохи могут дать возможность внешним алгоритмам «взломать» человека и узнать его лучше, чем он знает сам себя. Если это произойдет, представления о человеческой индивидуальности потеряют всякий смысл и полномочия перейдут от индивидов к сетевым алгоритмам. Люди перестанут рассматривать себя в качестве автономных субъектов, направляющих свою жизнь по собственной воле. Вместо этого они привыкнут рассматривать себя в качестве собрания биохимических механизмов, которые постоянно отслеживаются и направляются сетью электронных алгоритмов. Уже сейчас возникло общественное движение под названием Quantified Self, которое стремится показать, что личность есть не более чем набор математических повторяющихся элементов (паттернов). Эти паттерны настолько сложны, что человеческий разум совершенно не способен понять их. Если человек хочет познать себя, то не нужно изучать философию или заниматься медитацией. Следует «просто» систематически собирать биометрические данные и позволить алгоритмам анализировать их. После этого эти же алгоритмы сообщать человеку, кто он и что ему следует делать. Любопытно, что девиз данного общественного движения – «самопознание через числа».

Человечество может достичь положения, когда будет невозможно отключиться от «всезнающей» сети даже на мгновение. Такое отключение может даже привести к смерти. Например, если «большие надежды» нашего «века медицины» будут воплощены в жизнь, то люди уже совсем в недалеком будущем внедрят в свои тела целый ряд биометрических устройств, бионических органов и нанороботов, которые будут следить за состоянием здоровья и защищать от инфекций и болезней. Эти устройства должны быть активны в режиме 24/7 для того, чтобы пополняться новейшими медицинскими достижениями и защищать себя от новейших вирусов цифровой среды.

Собственно медицина в условиях давления наук о жизни, щедро инвестируемых капиталом, на наших

глазах претерпевает серьезную концептуальную революцию. Медицина прошлого века ставила перед собой цель лечить больного. Медицина века нынешнего все больше стремится «улучшать» здорового. Излечение больного было эгалитарной идеей, что предполагало существование стандарта физического и психического здоровья, которым может обладать каждый человек. Если человек не соответствовал норме, то работа врачей состояла в том, чтобы выявить проблему и помочь человеку быть как «все». В противоположность этому «улучшение» здорового является элитарной идеей, потому что она отвергает идею универсального стандарта для всех и стремится дать некоторым индивидам преимущество над другими. Некоторые люди сейчас хотят получить превосходящую память, интеллект выше среднего и даже первоклассные сексуальные возможности. А если какая-то практика «улучшения» становится дешевой и относительно общедоступной, то она просто будет рассматриваться как новый стандарт, который будут стремиться превзойти новые медицинские практики «улучшения».

В прошлом веке медицина принесла большую пользу массам, потому что двадцатый век был веком масс. Например, армии в то время нуждались в миллионах здоровых солдатах, а экономике были нужны миллионы здоровых рабочих. Поэтому государства создавали системы общественного здравоохранения, которые гарантировали в той или иной степени оказание доступной медицинской помощи. Великими достижениями этой недавней эпохи были обеспечение массовой санитарно-гигиенической инфраструктуры, компании массовой вакцинации и ликвидация массовых эпидемий.

Но век масс завершился, и с ним закончилась эпоха общедоступной медицины. Рабочие, солдаты, а возможно и служащие уступают место алгоритмам (совсем недавно в Китае появился так называемый «цифровой прокурор»). В этих условиях некоторые представители «финансовой элиты» могут прийти к выводу (а некоторые, наиболее одиозные, такие как господин Т. Тэрнер, уже публично выступали с заявлениями), что больше нет смысла в предоставлении доступной медицинской помощи массам «беспольных» («useless class» в терминологии Харари) бедняков. И гораздо более разумно сосредоточиться на «улучшении» относительно небольшой группы потенциальных «сверхлюдей». Собственно, в социальном и идеологическом измерениях такая перспектива развития человечества, если давать ей моральную оценку, больше похожа на регресс, откат к квазифашистской доктрине или еще раньше, к квазисословному обществу первой половины девятнадцатого века, когда один процент дворян (а в это время дворянский титул уже можно было купить) обладал половиной всего общественного богатства и всеми правами.

Только теперь такое положение дел «научно» обосновывается и в ходу такие дискурсивные обороты, как «невозможно остановить прогресс», «великая трансгуманистическая перспектива» и т. д.

Надо признать, что логоцентризм в конкретной форме биокапитализма, сделавшего ставку на био- и кибертехнологии нанес мощнейший удар не только по традиционной культуре, но и по культуре модерна, в основе которой лежит проект Просвещения. Однако, как написал великий поэт-романтик Фридрих Гельдерлин: «Но где опасность, там вырастает и спасительное» [5]. Биоэтический дискурс, возникший примерно в то же время, когда Деррида начинает разрабатывать программу деконструкции, является живым очагом сопротивления безжалостной логоцентрической установке [6]. Можно сказать, что биоэтика является в определенном смысле критическим анализом (то есть собственно деконструкцией) всей предшествующей этической традиции. Этот анализ позволяет обнаружить идеи, которые могли стать основой для теоретической разработки реальной, жизнеспособной альтернативы логоцентризму. На наш взгляд, биоэтика является радикализацией этики путем парадоксального возвращения к ее основам. Любопытно, что такой популярный автор, как Харари, который, надо признать, больше подчеркивает остроту проблемы, чем предлагает решение, все же замечает: «Человеческие сообщества и семьи всегда основывались на вере в бесценные (priceless) факты, такие как честь, верность, мораль и любовь. Эти факты находятся за пределами владений рынка, и они не могут быть куплены и проданы за деньги. Даже если рынок предлагает хорошую цену, некоторые вещи просто не делаются. Родители не должны продавать своих детей в рабство; благочестивый христианин не должен совершать смертный грех; верный рыцарь никогда не предаст своего господина; исконные племенные земли никогда не могут быть проданы чужеземцам» [4]. Конечно, по мере экспансии «свободного рынка» все эти табу систематически нарушались. Но они еще сохраняются. Эти бесценные явления (честь, верность, нравственность, любовь) формируют тот самый этос, представления о котором лежат в основе этики. Этос есть пространство совместного проживания людей, исключающее индивидуализм и агрессию. Из этого представления об этосе видно, что уже древние греки прекрасно понимали темную сторону человеческой природы, которая если и не может быть элиминирована, то должна быть поставлена под контроль и в какой-то степени заблокирована. Такая позиция противоречит идеологии свободного рынка и наукам о жизни, которые «обосновывают» рыночное поведение индивида, включающее культивирование своего «Я» и агрессивное стяжательство. И здесь в биоэтическом дискурсе можно обнаружить одно важное различие.

Речь идет о либеральной форме биоэтики и форме консервативной. Главное и ключевое отличие между этими формами заключается в представлении о сущности человека. С точки зрения либеральной биоэтики, сущность человека обусловлена его биологическими и социальными потребностями. Собственно потребности (нужды) очень близки к тому, чтобы быть объявленными «добродетелями». В полной мере такой идее человека отвечает «общество потребления» или «общество соблазна». «Идеалом» такого общества выступает «успешный» в финансовом и иерархическом плане человек, неистовый потребитель и умелый инвестор. Собственно, «иконостасом» в таком обществе выступает пресловутый список Форбс. Можно сказать, что либеральная биоэтика пытается приспособиться и адаптироваться к логоцентрической установке. При этом биос, человеческий биос становится объектом технологических манипуляций в рамках процесса такого приспособления. Либеральная биоэтика принимает «правила игры», задаваемые автоматическим действующим субъектом (капиталом). Биологические и социальные потребности, которые обуславливают сущность человека, объявляются высшими ценностями и формируют основание для выхода из режима этой обусловленности. Таким образом, либеральная биоэтика вольно или невольно способствует и продвигает трансгуманистическую повестку, моральную оценку которой мы уже дали выше.

Именно поэтому консервативная биоэтика является тем дискурсом, который может стать теоретической основой для альтернативного развития человека и всего человечества. Консервативная биоэтика исходит из того, что сущность человека обусловлена определенными способностями. Можно даже говорить об одной способности, той уникальной способности, которая и делает человека Человеком. Выдающийся испанский поэт семнадцатого века Педро Кальдерон написал: «Que es la vida? Un frenesi» (Что такое жизнь? Исступление). Человек способен и стремится выйти за собственные пределы. Трансцендировать себя. Жорж Батай, парадоксальный философ, оказавший большое влияние на современную философию, отмечает: «Если бы меня спросили, что мы есть, я бы ответил: Мы дверь во все, что может быть, мы надежда, которую никакой материальный ответ не может удовлетворить... Мы ищем вершин. Каждый из нас может игнорировать этот поиск, если он обладает разумом, но человечество как целое стремится к этим вершинам; они есть единственное определение его природы, его единственное оправдание и смысл» [7]. Да, люди могут опускаться в «бездны», «создавать» культ собственного Я, проявлять животную агрессивность, становиться беспрецедентными стяжателями и даже рационально строить лагеря смерти и осуществлять геноциды. И при этом подводить под все эти деяния «научную» базу. Однако люди способны

выходить за собственные пределы в творчестве, эмпатии, понимании, любви, самопожертвовании, даже самоубийстве. Никакая искусственная нейронная сеть не способна на это. А если вдруг окажется способна, то обретет человечность, нравственное чувство. То есть... станет человеком.

Консервативная биоэтика вновь возвращает нас к исходному смыслу понятия «этнос». Этнос предполагает систему нравственных ограничений. Советский, а потом российский философ Ю.М. Бородай в этом смысле отмечает: «Фундаментальное отличие механизма нравственных ограничений от естественно-биологического механизма инстинкта самосохранения можно свести к двум пунктам: 1. Нравственное ограничение касается всех членов человеческой общины. Подчеркнем: всех, а не только слабых, как в стаде. 2. Нравственные побуждения несовместимы с инстинктом самосохранения, ибо принципиально противоречат ему, диктуя человеку поступки, подчас индивидуально вредные (самоограничение), а иногда даже самоубийственные (самопожертвование)» [8]. Однако ограничивая свои потребности и жертвуя для других, человек не только поднимается над своей животной природой, но и способствует выживанию сообщества. К сожалению, в «глобальной деревне», глобальном сообществе можно наблюдать, что «сильные» (успешные обладатели капитала) склонны пренебрегать любыми ограничениями. Это легко видеть в сегодняшней ситуации пандемических ограничений. Для потенциальных «сверхлюдей» существуют «зеленые коридоры», позволяющие им без особых затруднений перемещаться в глобальном мире, как ни чем не бывало. Собственно, такого рода «зеленые коридоры» существуют для них во всех областях социального пространства.

И конечно, этот узкий круг глобальных граждан использует целый спектр возможностей, чтобы уходить от налогов и никак не «жертвовать» для общего блага. При этом такого рода *vip*-персоны относятся к обычным людям не лучше, чем европейские колонизаторы прошлых веков относились к африканцам, индейцам, азиатам и т.д. Замечательным обращением к этим людям являются слова из романа Джона Стейнбека «Гроздь гнева»: «Если б вам удалось отделить причины от следствий, если бы вам удалось понять, что Маркс, Ленин были следствием, а не причиной, вы смогли бы уцелеть. Но вы не понимаете этого. Ибо собственничество сковывает ваше «я» и навсегда отгораживает его от «мы» [9].

Автор программной книги по биоэтики Ван Поттер удачно определил биоэтику как «науку выживания». И хотя книга вышла более полувека назад, мыслитель понимал, что человечество подходит к некому пределу, точке бифуркации, когда продолжение существующей, логоцентрической тенденции

может привести к коллапсу всей социокультурной системы и гибели человечества, а появление новой парадигмы развития может вывести человечество из кризиса. Кризисное состояние и есть состояние, требующее особых усилий физических и духовных, то есть тех усилий, которые нужно прилагать в ситуации выживания. Важно понять, что выжить можно только вместе, а не за счет кого-то.

Следуя логике развития биоэтики от «науки выживания» (Поттер) до «социальной науки как этики справедливости» (Седова), будем говорить об идее формирования глобального биоэтноса. Эта новая система мироустройства может быть построена из принципов биоэтики. Данные пятнадцать принципов заключают в себе высшие достижения как традиционной культуры (особенно справедливость, солидарность, сотрудничество, совместное использование благ), так и культуры модерна (человеческое достоинство, уважение человеческой уязвимости, конфиденциальность, автономия, недопущение дискриминации и стигматизации). Идея биоэтноса предполагает рассмотрение жизни как целого, основанного на нравственном чувстве принадлежности к тому, что Капра и Луизи называют «паутиной жизни» [10]. На наш взгляд, философским аналогом такой характеристики является понятие ризомы. Последняя есть сетевая структура организации отношений, которая является горизонтальной в противоположность вертикальной логоцентрической системе. Можно еще назвать ризому системой пересекающихся «кругов нравственной оседлости» (Д.С. Лихачев).

Существование ризомы может, как минимум, амортизировать жесткое давление логоцентрической системы. Как максимум (идеал), следует говорить о ризоме как перспективной системе замены логоцентризма.

Реализация идеи биоэтноса очевидно требует децентрации капитала. Без этого формирование новой социокультурной системы не представляется возможным. Здесь требуется целый комплекс шагов (введение прогрессивной шкалы налогообложения там, где этого нет, введение налога на капитал, введение в той или иной форме практики безусловного основного дохода (БОД), пусть он будет даже в каком-то смысле «условным»). Разумеется, для осуществления комплекса этих мер нужна не только политическая воля, но и добрая воля в сочетании с элементарным здравым смыслом. Думается, что не все представители «финансовой элиты» окончательно утратили эти качества. Иначе как объяснить инициативу Билла Гейтса и Уоррена Баффита по созданию благотворительного движения «Клятва дарения» (Giving pledge), предлагающего миллиардерам планеты пожертвовать значительную часть своего богатства на филантропические

цели. Даже если этот проект начат из простого стремления «уцелеть» (вспомним Стейнбека), он заслуживает того, чтобы отнестись к нему с пониманием.

Дополнительная информация

Источник финансирования. Автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования при проведении исследования.

Конфликт интересов. Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Additional info

Funding source. This study was not supported by any external sources of funding.

Competing interests. The author declares that he has no competing interests.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Постмодернизм. Энциклопедия. Мн.: Интерпрес-сервис, Книжный Дом, 2001.
2. Пигалев А.И. Человек в системе «центризм» и онтологический редукционизм // Человек в современных философских концепциях: материалы Международной научной конференции. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998.
3. Mikics D. Who was Jacques Derrida? An Intellectual Biography. New Haven, L.: Yale University Press, 2009.
4. Yuval Noah Harari. Money. London: Vintage, 2018.
5. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
6. Derrida J. Specters of Marx. Classics. N.Y.; L.: Routledge, 1994. 265 p.
7. Bataille G. Eroticism. London: MARION BOYARS, 2006.

8. Бородай Ю.М. Эротика-смерть-табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996.

9. Стейнбек Дж. Гроздь гнева: роман / пер. с англ. Н. Волжиной. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.

10. Капра Ф., Луизи П.Л. Системный взгляд на жизнь: Целостное представление / пер. с англ. М.: УРСС: ЛЕНАНАД, 2020.

REFERENCES

1. Postmodernism. Encyclopedia. Minsk: Interpressservis, Book House, 2001. (in Rus.).
2. Pigalev A.I. Man in the system of "centrisms" and ontological reductionism. *Chelovek v sovremennykh filosofskikh kontseptsyakh: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii = Man in modern philosophical concepts: Proceedings of the International Scientific Conference*. Volgograd: VolGU Publishing House, 1998. (in Rus.).
3. Mikics D. Who was Jacques Derrida? An Intellectual Biography. New Haven, L.: Yale University Press, 2009.
4. Yuval Noah Harari. Money. Vintage, London, 2018.
5. Heidegger M. Time and being: Articles and speeches. Moscow: Respublika Publ., 1993. (in Rus.).
6. Derrida J. Specters of Marx. Classics. N.Y.; L.: Routledge, 1994. 265 p.
7. Bataille G. Eroticism. London: MARION BOYARS, 2006.
8. Boroday Yu.M. Erotica-death-taboo: the tragedy of human consciousness. Moscow: Gnosis, Russian Phenomenological Society Publ., 1996. (in Rus.).
9. Steinbeck J. The Grapes of Wrath: a novel. Translation from English N.Volzina. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus Publ., 2015. (in Rus.).
10. Capra F., Louisi P. L. Systemic view of life: a holistic view. Translation from English. Moscow: URSS: LENANAD, 2020. (in Rus.).

Информация об авторе

К.С. Смирнов – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины Волгоградского государственного медицинского университета, Волгоград, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7233-9052>, E-mail: zzzzzz111@mail.ru

Information about author

Kirill S. Smirnov – PhD, Associate Professor of the Department of philosophy, bioethics and law with the course of sociology of medicine, Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7233-9052>, E-mail: zzzzzz111@mail.ru